

ВЛАДИМИР ВЛАДЫКИН

ЕСЛИ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ...

Повести

НовЛит 2020

ББК 84 (РОС=РУС)

В-57

©В.А. Владыкин

©Если быть честным. Повести. 456 стр. НовЛит. 2020 г.

В книгу В. А. Владыкина под общим названием – «Если быть честным», вошло десять повестей, в которых затрагиваются нравственно-этические проблемы, а также отражены острые социальные явления. Написаны они в разные годы. Первые относятся к раннему периоду творчества. Но по воплощению тем, идей, отображению социальных пороков, они ничуть не устарели и до сих пор остаются актуальными. Это иждивенчество, паразитизм, тунеядство, погоня за красивой жизнью, культ денег...

Автор прошёл разностороннюю школу жизни: служил в армии, работал на стройке, фабрике, заводах, бане, школе, ряде областных газет.

Он также автор серий исторических, социально-криминальных и психологических романов, повестей, рассказов. Роман «Юлия» входил в областную школьную программу по нравственному воспитанию. Почти десять лет издаёт журнал «Новый литератор».

© В. А. Владыкин

© Если быть честным

ЕСЛИ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ

Повесть

Глава первая

Ближе к вечеру, когда солнце ещё не садилось, а духота несколько спадала, Виктор Теплов сидел в баре с друзьями. Он был на вид не плотный и не худой; на нём были хлопчатобумажные, слегка потёртые синие импортные джинсы фирмы «Монтана». Он производил впечатление человека, который оказался здесь как бы совершенно случайно. И действительно, его взгляд казался отрешённым; в глазах пряталась задумчивость; сердце ныло от тоски, которой раньше он никогда не испытывал. Но вот уже несколько дней без всяких на то серьёзных причин она посещала его, и он был вынужден уходить из дому и шататься по улицам до тех пор, пока не встречал закадычных дружков.

Они сидели безмолвно, слушали музыку группы «АББА», которая вырывалась из двух стереофонических динамиков. Молодые бездельники из высоких стаканов потягивали белое сухое вино «Рислинг». На холёном лице Эдуарда Разгулова выражалось довольство и ещё нерастраченная энергия. Вид его широких плеч, больших рук, внушал самодовольство и бесшабашную уверенность в себя.

Вадим же был худощав, с юркими серыми глазами, иногда насмешливыми, иногда затаёнными, и вместе с тем часто выдавали в нём рефлекслирующего субъекта, будто он обдумывал одно и то же, отчего зависела вся его жизнь.

Виктор думал, что всё то, как они проводили неурочное время в злачных и других загородных местечках и что составляло их досуг, и вместе с тем до одури опустошало, порой его выводило из себя, и он не раз пытался выйти из череды кутежей. Но всякий раз всё возвращалось к тому, отчего мысленно отказывался лишь перед самим собой. А скажи кому из них – не поверят...

Вот их троица парней, пока женат лишь один Эдик, а они холостые только как бы формально. С ними сидели две девушки: одну звали Наташа, с которой у него ещё недавно был бурный роман, а теперь не знал, что с ней делать... Он знал, что она росла в обычной интеллигентной семье. Мать была учительница, отец заводской мастер. Но она не хотела брать пример со своих родителей. Вторую девушку звали Марина, она вышла тоже из обычной семьи служащих, встречалась с пивоторговцем Вадимом. Они как сёстры-близнецы, с вычурными причёсками, были одеты в джинсы и батники. Но иногда бывали и в платьях из тончайшего белого марлена, сшитых по выкройкам самой Наташи. Сейчас же девушки спокойно покуривали сига-

реты, держа их с такой элегантно манерностью, иногда поднося их к массивной стеклянной пепельнице, и длинными накрашенными ноготками сбивали в неё пепел. Сколько в них куража, зазнайства, высокомерия! И думают, что это их шикает, они даже воображали друг перед другом. А по правде говоря, всё это наносное, на самом деле они глупышки, гоняются за модным тряпьем, всем импортным. И в этом видят высший смысл своего существования. А для чего живут, вряд ли знают и думают, что так будет продолжаться всегда. Вот потому они ему опротивели. Девицы тщетно пытаются достичь мнимого счастья. А сами не знали в нём толка, но вот играли надуманные роли. Впрочем, заполучив модную вещь, они на миг испытывали себя счастливыми. Но проходило время, возникало новое желание и они стремились его исполнить.

Вот и сейчас девицы сидели в престижном баре и мнили, что они хоть немного, но собой довольны, поскольку мечтали о большем. Хотя их сердечные дела терпели крах за крахом, и не знали, как избавиться от неудачных связей и создать новые...

– Витёк, ты чего покрылся, как ёжик туманом, и задумался, будто кто-то тебя охмурил? – спросила несколько ленивым тоном Наташа, которая стремилась с блеском проводить свободное время и произносить слова немного протяжно и выспренно. Но сейчас она почему-то чувствовала себя усталой. Хотя с того момента, как она вышла из дому, прошло только полтора часа. Она улыбалась, жеманно поводила плечами, глядела на парня кокетливо, и всё это её делало манерной, фальшивой. А старательно наведённые веки, неестественно длинные подкрашенные ресницы, и пылавшие губы, будто сложенные старательно из двух лепестков розы, превращали её в манекен. «Неужели она думает, что, ведя себя так, будет постоянно мне нравиться? – думал он. – Нет, нет, как она, дорогуша, ошибается и продолжает себя опошлять и вызывать только отвращение».

С Виктором у неё когда-то сложились, настолько близкие отношения, что казалось, они больше никогда не расстанутся. Но вот наступил момент, когда она делала вид, что у неё к нему пропал интерес, что её нисколько не задевали его похождения в институте. А для чего он так вызывающе вёл себя, когда менял девушек, когда шикавал, сорил деньгами, а ведь мог давно купить машину...

Но что его больше всего возмущало, это когда Наташа, находясь с ним, где бы то ни было, присматривалась к другим посетителям значных мест. Виктор на её манерное поведение как бы не обращал внимания. Разумеется, она знала, что он выходец не совсем из привилегированной семьи, вместо отца у него был отчим. Но и тот считался как бы временно приходящим, когда его, Виктора, дома не было...

– Фу, накурили две курилки! – недовольно протянул он, состроив брезгливое выражение. Наташа тотчас под села к нему и полезла обниматься. Тому это не понравилось.

– Да отстань, ты! – неожиданно сердито проговорил Виктор, отстраняясь от девушки. Недружеским обхождением парня, разумеется, Наташа была уязвлена, но чтобы это скрыть, она притворно недовольно насупилась, села на прежнее место. Но тут заметила, как на неё из угла бара смотрел какой-то парень и она ему стала как-то слащаво улыбаться, чтобы вызвать у Виктора ревность. Но на её нарочитые действия тот никак не реагировал.

– Ты чего, не с той ноги встал? – спросил Эдуард Разгулов, глядя удивлённо и насмешливо на Теплова, как тот недружелюбно ведёт себя со своей девушкой. Они сидели напротив друг друга. И тот поражался их странным отношениям: они то сближались, то охладевали друг к другу. Сам он жалел, что женился рано, а теперь его тянуло к другим девушкам. Хотя он точно знал, что лучше его Анки он ещё не встречал и вряд ли встретит. Эти все строили из себя каких-то «звёзд», а сами были обычными модницами, и мечтали о несбыточных светских высотах...

– Да так, – лениво обронил тот в ответ Эдику, мотнув головой, точно хотел стряхнуть дурное настроение, – башка разболелась. Я, наверно, потопал домой.

– Ну, тогда до вечера, – ответил Эдуард, глянув с интересом на Наташу.

– А ты на кого вылупилась? – спросил он насмешливо, когда Теплов уже встал и направился к выходу из бара, желая затронуть душевные струны приятеля и, быть может, пробудить у Виктора ревность. Но тот и ухом не повёл, на что Эдуард удивлённо присвистнул. В этот момент, Наташа как бы спохватилась, бросила серьёзно, даже страдальчески, что с ней происходило при всех редко, так как пыталась скрывать свои чувства.

– А тебе это надо знать? – исподлобья бросила девушка, готовая заплакать, и тотчас же от него отвернулась.

Но он уже не слушал её и обратился к уходившему Виктору:

– Э-э, парень, не забудь прихватить то, что обещал вчера, – тот остановился, Эдуард подмигнул ему с тем значением, что он не просто обыватель, а деловой человек, который заботится о своём благополучии...

– Да, да, Витёк, мне тоже! – быстро отозвался Вадим Трапезников, направив на того ни столько хмельные, а сколько притворные глаза, что якобы он уже пьян.

– Ладно, только если мамаша уже кому-нибудь не загнала, – ответил тот угрюмо и тотчас быстро вышел из бара, который ему порядком надоел.

– А нам, ничего не предложишь, Витенька? – крикнула вдогонку весело Марина.

– А тебе подруга постарается иголкой и напёрстком, – ответил тот шутиливо.

Наташа в диалог не вступила, лишь проводила охальника недовольным взглядом, и смотрела на Виктора даже и тогда, когда тот вышел на тротуар и скоро затерялся среди прохожих. А девушка про себя невесело и даже озадаченно подумала: «Почему он ко мне охладел, неужели Эдик про меня что-то наплёл ему?» И украдкой посмотрела на Разгулова, которого стала презирать. Но то, что он мог наговорить о ней Теплову, выяснять пока воздерживалась, уж очень тот быстр на расправу. Хотя скрывала от себя даже то, как она завидовала его жене Ане.

Но компания к её душевным стенаниям оставалась глуха, будто нарочно вооружилась бессердечием...

«Наверно, я веду себя плохо, строю из себя надменную дуру», – подумала она, и тут же забыла о том, что её мучило, и принялась пить вино, глядя по сторонам...

Но тут Наташа ничего никому, не говоря, встала и как-то порывисто вышла из бара. Она смотрела, как Виктор шагал к проезжей части. На этот раз она не посмела его окликнуть, понимая, что это уже бесполезно. «А зачем тогда вышла?» Она вернулась, но никто на неё не глянул, и ей хотелось расплакаться. Но вместо этого осушила бокал и налила ещё...

* * *

Покинув дружок, Виктор почувствовал себя свободным. Сейчас его никто не мог принудить ни к чему. Ему уже давно стали надоедать пустые посиделки в баре, грохот музыки, легковесная болтовня друзей, и всё это представлялось бессмысленным, что уже всё чаще вызывало внутреннее раздражение и недовольство не одними друзьями и надменными девицами, но и самим собой. Его даже огорчало и то, что Наташа всё никак не могла понять, что они больше не могут быть вместе. Куда-нибудь скрыться бы, или лучше уехать. Но от себя не убежишь, не уедешь, надо жить, наполнять её смыслом, чтобы получать духовное разнообразие. Виктор удивлялся своему настроению, не рано ли он пресытился жизнью? Нет, вовсе не самой жизнью, а частыми пустыми времяпрепровождениями, погоней за модными шмотками. Но единственно ему не надоедали запрещённые книги, кассеты популярных музыкальных западных групп.

И все его друзья были безудержно увлечены почти тем же, а какой был в этом прок или смысл, их это не занимало? Просто надо было чем-то интересоваться и занимательно проводить время. Но не каждый читал даже обычную классику, лишь престижа ради предпочитали «запрещёнку» для повышения своей значимости. Сколько бы он раньше так ни думал, всегда

всё возвращалось к тому же, от чего он пытался уйти и заняться серьёзно учёбой. И всякий раз посиделки в баре ему настолько надоедали, что уже воспринимались самыми скучными и пошлыми видами отдыха, где только зря теряют и просиживают время. И каждый день повторяется одно и то же, точно в запасе у них ещё три жизни и можно её проматывать, бездумно веселиться.

Виктор с проспекта Платовского повернул на улицу Московскую, перешёл на другую сторону и направился к кинотеатру «Победа». В это время он услышал знакомый мелодичный девичий голос:

– Витя, Витя! – он обернулся и увидел Галю Ромашкину, с которой неделю назад познакомился в городском парке на танцплощадке. В те годы танцевальные вечера уже устраивали лет десять в форме дискотек. Но Виктор принципиально не пользовался этим новомодным словом...

Если бы не эта новая встреча с Галей, он бы вряд ли позвонил ей. Впрочем, неделю назад, когда он с танцев проводил девушку к подъезду её дома, при расставании он точно не обещал ей, что хочет с ней встречаться. Ведь он считал, что она сама ему навязывалась, и поначалу это его даже настораживало. Тогда уже входила такая странная «мода», когда девушка, а не парень, проявляла инициативу.

И сейчас, он подумал, что она сама ищет с ним встречи, и он не знал, как отнестись к её поступку. Хотя ему никогда не нравилось, если девушки сами начинали, чуть ли не вешаться на парней. Но здесь случай был особый, Виктор ей нравился. И то, что она в этом сама призналась, ему льстило. Но в тот день, да и сейчас, он не видел надобности продолжать с ней близкие отношения. Она пока несовершеннолетняя. Да и выглядит моложе своих лет...

В тот день, когда он случайно попал на танцы, где бывал очень давно, он узнал об исключении его из института. Виктор тогда просидел в баре часа четыре, выпил два стакана крепкого коктейля. Но даже и хмель не заглушил переживания, и сколько бы ни пил, он не пьянел и не избавлялся от тоски. Оставаться в злчном месте было уже бессмысленно, он попрощался с друзьями, больше не желая болтать с девушками, которые, кроме отвращения, как и бар, уже не вызывали у него никакого хорошего чувства.

И вот как сейчас, так и тогда он вышел из постылого заведения и пошёл, куда глаза глядят. Но тут его окликнула Наташа, он оглянулся, скрестил над головой руки, и пошёл своей дорогой. По этому его жесту Наташа не могла не понять, что с ней он завязывает, он обречён и больше ей не нужен. Она отныне свободна. Её охватило злое отчаяние. Он бросил её, но за что? Она не придавала значения тем случаям, когда бывала в баре без него. Она уже не помнила, как в лучшие дни их отношений он с ней из-за этого ссорился.

Ему было не всё равно, как тогда она оправдывалась, что для неё находиться после работы в баре, ничего нет лучшего. И не видела в этом ничего не приличного и предлога для его ревности. Один раз она с ним побывала недалеко от Сочи на море, остановились у её знакомой. Провели прекрасно почти две недели и под конец отдыха вернулись, изрядно наскучив друг другу. Но Виктор и там был огорчён её «тайными» косяками» в сторону отдыхавших на пляже мужчин, и подавно, когда сидели в прибрежном кафе, как на неё обращали внимание местные или приезжие посетители сильного пола, чем вызывали у неё смех. А он не подавал вида на то, чем она была занята. А ведь был ей повод задуматься о своём поведении, но девушке было не до этого. Её кружило тщеславие, успех у мужчин, а к Виктору приходили неутешительные выводы, что он связался не с той девушкой, так как бездумные, легкомысленные, пустые ему не нравились. И он уже знал, она не любила ни о чём думать, жила как бы по течению, признавая только удовольствие. А ведь в своё время она училась в том же институте, что и он, затем ушла по доброй воле, поступила на фабрику индивидуального пошива одежды. Её направили на курсы закройщицы, окончила. Стала работать в экспериментальной пошивочной лаборатории. Готовила сезонные конкурсные модели. С Виктором познакомилась в баре, она была у него очередной, о своих бывших он умалчивал. Но и она в своё время не была одинока...

Ноги привели его в парк, здесь он сел на длинную с изогнутой спинкой скамью и сидел в оцепенении, как человек, который дошёл до края жизни и не знал, что ему дальше делать? Но вот услышал гремевшую музыку и пошёл на танцы. В последнее время он здесь бывал довольно редко. Виктор стоял, смотрел на танцующие пары, их было много. Но ещё больше девушек и парней, которые просто стояли группами и присматривались друг к другу.

В какой-то момент Виктор почувствовал, что на него кто-то пристально смотрит; в душе у него теснилась такая страшная тоска, что хотелось даже заплакать. Виктор посмотрел в ту сторону, где в одиночестве стояла девушка с распущенными по плечам, не очень длинными русыми волосами, в бежевом приталенном платье. У неё сами по себе были удивлённые глаза, цвет которых на расстоянии он не мог разглядеть. Почему же она так странно смотрела на него, даже не скрывая своего любопытного взгляда? Виктор было направился к ней, но тут, точно кто-то ухватил его за руку и он не сдвинулся с места.

Когда шейк закончился, он сидел, понунив голову. И тут объявили «белый танец», перед ним объявилась та девушка; она, вежливо улыбаясь, вдруг пригласила его. Он не без удивления встал, взял её под руку и они пошли танцевать. От неё исходил какой-то неуловимый добрый свет.

Он не рассматривал её этак нарочно и придирчиво, а только с некоторой

рассеянностью, больше из приличия, лишь бы занять её внимание, задавал ей вопросы, кто она, где живёт. Девушка отвечала легко и непринуждённо, что её зовут Галей. И сказала, что скоро окончит школу, уже сдала два экзамена на отлично, но всё ещё не знала, куда ей поступать, что она мечтает найти себя там, где будет наиболее полезна людям. Когда-то Галя мечтала стать учителем, потом врачом, а теперь окончательно запуталась в себе... Хотя ещё любила рисовать, но художника в себе не находила. На танцы в тот вечер она пришла с подругой, но та встретила знакомого парня, и тот увлёк её за собой...

И вот с того вечера, как они познакомились, прошло несколько дней.

– Ты идёшь, и не видишь никого и даже меня? – сказала она, когда он остановился на её оклик. – А я три дня тебя ждала, – призналась Галя, точно хвастаясь этим.

– Извини, Галя, я был очень занят...

– А мы сдали ещё два экзамена, – сказала она, понимая, что надо чем-то поддержать разговор.

– Это очень хорошо! Скоро будешь отдыхать, наверно, уже выбрала институт?

– Пока нет, но скоро сделаю выбор...

– А ты в кино собралась отдохнуть от экзаменов?

– Нет, одна я не хожу, я была в книжном, хотела купить бумаги. А потом тебя увидела и так обрадовалась! Ты как раз выходил из бара, и только сейчас осмелилась тебя позвать. А ты мне совсем не рад? – она бегло осмотрела его модные джинсы американской фирмы, перевела взгляд на серо-чёрный батник.

При слове «бар» Виктор слегка поморщился, от него не ускользнуло и то, как она с любованием посмотрела на его одеяние. «Неужели и эту ангельскую душу навещает зависть?» – с чувством досады и грусти подумал он. На этот раз она была в летнем платье в мелкий цветочек, которое не очень высоко открывало колени, её фигура хорошо сложена, всё при ней. Виктор смущённо улыбнулся, но что получилось несколько натянуто. Ему было приятно смотреть на неё. Галя выгодно отличалась от девушек его круга. И сознание этого внушало уверенность, что ещё рано считать себя потерянным. Надо верить в лучшее. В него влюбляются и такие юные, как Галя.

– А ты, куда сейчас направляешься? – спросил он, будто не услышал её признание.

– Домой... – она так посмотрела, точно готова была сказать: «Могу и остаться, если ты позволишь». И непроизвольно посмотрела в направлении бара через его плечо, и эта догадка того, куда она посмотрела, его явно озадачивала. И он представлял, о чём она могла думать: «Я готова с тобой

и в баре посидеть. Ты бы хотел со мной провести время? Но я вижу, что тебе уже ничего не нужно, ты уже насиделся. А впрочем, ты совсем не пьян, но только тебя что-то очень терзает. Теперь я это знаю точно. Я бы не хотела, чтобы сейчас ты ушёл один. Может, со мной тебе станет легче?»

Однако он как будто старался нарочно не замечать того, что так ясно читалось на её хорошеньком лице, впрочем, даже красивом. Но она обладала не совсем броской красотой, а спокойной, которую не тотчас замечаешь, она как бы не тут же открывается. Галя видела, как его глаза серого цвета куда-то как будто нетерпеливо ускользали, а потом как бы спохватывались и останавливались на откровенно на него смотрящих её глазах. Теперь он видел, что они у неё серо-голубые, как два озера-омута, которые, точно втягивали в свою глубину. «Да, да, она, правда, красива, она воздушна, у неё светлая, пока ничем не омрачённая душа. Разве я должен войти в жизнь этой девушки?» – думал он, и удивлялся, что её пристальный взгляд смущал его...

По его мрачному виду Галя надеялась разгадать то, что сейчас у него творилось на душе. Он это чувствовал, и потому от её пытливого взгляда почти нарочно отводил глаза. Ей как никогда почему-то хотелось быть перед ним откровенной, несмотря на то, что ещё хорошо не знала парня. Но ей думалось, что она улавливала все его внутренние закоулки, где он прятал себя от неё. И она задавалась вопросом: «Почему я опять застала его в плохом настроении?»

«Наивная, чистая девочка, – подумал он. – Что ей от меня надо, красивых шмоток, и всё? Но с этой стороны она вряд ли знает то, чем я занимался. Просто я приглянулся ей своим «фирменным» прикидом и только. Но так думать, мне заведомо неприятно, так как этот уклон в потребление отдаёт тупым мещанством, что мне всегда претило. А эта девочка ещё не нахлебалась всего того, чем я уже пресытился. Неужели такую хорошенькую тоже манят злачные места? Но если бы она знала, как они сначала затягивают, затем пресыщают, надоедают и наконец, опустошают душу».

Виктор всегда отличался пытливым умом, было время, читал иностранные и отечественные романы. Но и не только... Какое-то время находился под воздействием одной книги, составленной из очерков современных нравов. Автора не запомнил. Зато запало её необычное название – «Чувства и вещи». В ней рассказывалось о том, как вещи превращают человека в своего раба, они невидимо подчиняют его и полностью овладевают его сознанием. Смысл её был направлен на одно, чтобы не вещи управляли человеком, а чувства направляли его по пути духовного развития. Там говорилось о том, что такое общество потребления. Потом в институте по психологии, на темы потребления, читались лекции. А по экономике объясняли, что такое

товарный фетиш и как он влияет на человека, без этого на западе не обходилась всякая торговля. Однако в жизни эти лекции ему не пошли впрок. Но единственно, только та книга ему глубоко запала в сознание. Но и она не сделала его идеалистом, так как всякий молодой человек был озабочен поиском источника дохода да в условиях товарно-денежной действительности...

За четыре года обучения в институте он только первые два курса ездил со студенческим отрядом по комсомольским стройкам. Но потом его высмеяли друзья, которые находили «непыльные» способы добывания денег. И с помощью своей матери, Тамары Алексеевны, он вошёл в невидимый для общества теневой бизнес. Но эта сторона деловой жизни не несла в себе романтики, а только навязывала светские привычки. Так продолжалось два года, пока его не исключили из института и он впал в длительную хандру, которая раньше как бы обходила его стороной. Он стал избегать друзей, подруг, клиентов, и замкнулся. И в один из таких вечеров на городской танцплощадке произошло знакомство с юной девушкой.

В тот первый их вечер, после танцев, они шагали по ночному городу. Он провожал её. Она пыталась посвятить его в свои чаяния, как ей приснился сон, как тот парень, которого она ясно увидела, почему-то страдал от самого себя; она хотела ему помочь. Но он от неё убегал, она догоняла, и ей было стыдно оттого, что она это делала, что несвойственно девушкам...

И вот во сне она с парнем ехала на трамвае туда, где она жила и там стояли долго-долго и не хотели расставаться. И теперь наяву она точно знала, что это был он, Виктор. Когда она ему пересказала свой сон, он только рассмеялся, чем её задел за самое сокровенное чувство, которым посмела поделиться. Он сказал, что она всё это нафантазировала, чтобы оправдать свой поступок, когда осмелилась пригласить его на танец только потому, что ей приснился «сказочный» сон. И потом она пожалела, что повела себя наивно и доверчиво, и с того дня больше не хотела его видеть...

А когда сегодня встретила его случайно, обиду сдуло как ветерком, и сейчас она в этом ему призналась.

– Я провожу тебя до остановки, – предложил он.

– Спасибо, хоть этому буду рада, – иронично ответила она. – Ты не думай, что я такая наивная, просто я доверчивая, и не считаю, что это признак глупости...

– Ничего, это школа роста. Ты живёшь книжными героями, а жизни ещё не знаешь...

– А ты, будто прошёл через все испытания?

– Наверно, чуть больше, чем ты. Экзамены в школе это одно, а вот в жизни, всё по-другому, всё начинается по-настоящему.

Его рассуждения смутили девушку, Галя не знала, что ему отвечать. Но главное она уже боялась, что он думает, будто она сама ему навязывается и навеяна желанием быть с ним там, где бывает он. И теперь остаток дороги они шагали молча, но Гале от этого было не по себе. А ему хотелось поскорее отвязаться от неё. Он пока не готов встречаться с такой духовно чистой девушкой... слишком много хлопот ожидает его с ней.

На остановке, когда подошёл автобус, она осмелилась спросить:

– Ты придёшь ко мне, у меня может никого не будет? Хотя у меня только одна мама... Ты дурно обо мне не думай. Я только покажу свои рисунки.

– Извини, Галя, пока не обещаю. Если захочу, я тебе позвоню. Ты тоже не думай ничего, мне просто нездоровится, – проговорил вяло он. Хотя в голосе слышалось желание немедленно покинуть её, что интуитивно передалось и Гале.

– Хорошо, Витя, тогда до свидания, – явно разочарованно произнесла девушка, даже с долей досады.

Она так надеялась, что он ухватится за её предложение. Но, видно, у него всё-таки была девушка, с которой находился в размолвке, поэтому она, Галя, у него вызывала, чуть ли не раздражение. «Значит, на нём надо поставить крест, – грустно подумала она, – и больше не верить сновидениям...»

Глава вторая

Аня Сереброва была родом из станицы Кривлянской. Пять лет назад, учась в техникуме, и проходя практику на заводе, она встретила Эдика Разгулова, на котором тогда он работал по обслуживанию промышленного оборудования. Эдик ей показался серьёзным, рассудительным. Иногда в его речи проскальзывали как бы нарочито-грубые изречения, которые в общих чертах не портили о нём впечатление. Она думала, что Эдик просто хотел выглядеть раскованным, а то и просто смелым, настоящим парнем, который может постоять за себя и девушку перед любым хулиганом.

Но что она могла знать о молодых людях, которые стремились выглядеть современными, неразвращёнными и самостоятельными? И только потом что-то с ними происходило нежелательное, и эти перемены неотвратимо изменяли их не в лучшую сторону...

Их дружба началась бурно, Эдичек, как она называла его, почти каждый день водил её в кино, дарил цветы. В областной центр на такси возил на концерты, в цирк. Это казалось ей так романтично, так кружило от счастья голову. Он мечтал завести свой дом, автомобиль. Его рассуждения ей нравились, от него она узнала, что его предки люди науки. А у него к этому не лежала душа, так как не хотел ни от кого зависеть. Она не понимала, о

какой независимости он мечтал, коли человек всеми нитями связан с обществом и обязанностями перед ним? Аня ему возражала, дескать, напрасно он отказался от научной стези.

– А ты, Анка, разве из учёной семьи, если, как сама говорила, твои родители тепличным делом заняты?

– Ну да, а что в этом плохого? Мой отчим в совхозе агроном, а мама бухгалтер.

– Чего же ты от них отстала?

– Они меня не неволили. Отпустили искать свой путь.

– Вот я тоже решил жить по-своему. Дорботаю на заводе, пропитаюсь пролетарским духом, отдам родине два года, а там будет видно. Чего загадывать? Хотя, может, женюсь на тебе, а ты пойдёшь за меня?

– Как? Прямо сейчас, ты же в армию уйдёшь?

– А ты будешь одна? А если найдёшь другого?

– Я же не ветреная, чтобы кого-то искать...

– Да на заводе таких, как я, здоровяков, полно. Нет, давай поженимся, тогда ты от меня никуда не денешься.

– Это же совсем несерьёзно...

– Ты что, неуверенна в себе?

– Зачем ты меня ловишь на словах?

– Тогда в чём дело?

Так и решилась судьба Ани Серебровой. Сыграли свадьбу, когда она была на последнем месяце беременности. Родилась дочь, названная Эдуардом Наталкой, а через полгода он ушёл в армию. Но видела молодая жена, что не хотелось Эдику оставлять её...

Как проходила жизнь Ани в доме мужа, как она доучивалась в техникуме и собиралась поступать на заочное обучение в институт, мы опустим...

И продолжим с того, что Эдуард благополучно отслужил армию. Сколько было радости после встречи с женой и со своими родными. Но вот прошло больше месяца, и всё как-то не враз, но изменилось; и отнюдь не в лучшую сторону...

Разве могла Аня думать, что пока муж, Эдуард Разгулов, проходил срочную службу в армии, она верно ждала его два года, ждала терпеливо своего счастья, мечтала о дружной супружеской жизни, что через две недели после его увольнения в запас, он вдруг отобьётся от дома. Не будет искать работу, сойдётся с такими же бездельниками, каким становился сам.

А ведь первые дни, каким он был прилежным, почти не отходил от неё, и дочери Наталке даже книжки читал, с которой так умно беседовал, что она не могла ими налюбоваться. И все были довольны: и бабушка, Мария Савельевна, и мать, Екатерина Дмитриевна, и брат Николай...

Но эта идиллия продолжалась недолго. Кто в те дни мог подумать, что он как-то вмиг отобьётся от семьи и начнёт проводить вечера в ресторанах и барах, разъезжать по городу на такси, и поздно заявляться домой.

И с какого-то дня она стала думать: неужели он связался с дурной компанией, и там кто-то им руководил? А когда у неё являлись предчувствия, что у него появилась женщина, так тотчас её жгучей оторопью стала охватывать ревность. И пошли ссоры за ссорой, скандал за скандалом, её поражало его тупое безразличие, и как он грубил ей, матери, бабушке и даже равнодушно относился к дочери Наталке. Но никто не знал, какие мысли кружились в его голове, какие соблазны овладевали им...

– Ты с кем связался, Эдик, или встретил другую, и с ней проводишь время? – спрашивала она в минуты примирения.

– Как ты можешь так думать? На твоём месте я не могу представить ни одну. Вспомни, как мы с тобой познакомились в заводском Доме культуры на каком-то празднике, и я тебе говорил, что ты, как в том кино, девушка моей мечты...

– Это было под Новый год, я тебе поверила, и думала, что ты самый серьёзный. Весной ты должен был уйти служить в армию, я была в положении. Ты получил отсрочку. Потом родилась дочь, а ты просил, чтобы я ещё родила, чтобы совсем не идти в армию. А я тебя не послушала, и теперь ты мне за это мстишь, и потому гуляешь? Чего ты добиваешься?

– Нет, всё было не так... Я хотел служить, но тебя хотел проверить, согласишься ли на второе...

– Зачем меня надо было проверять? Я думала, что ты увливаешь от службы.

– Ну не так, чтобы совсем... Я боялся оставить тебя одну с ребёнком. Ты же тогда, кажется, ещё училась...

– Ой, я ж тебе обещала ждать, ведь дождалась же? Не все же способны загулять, плохо ты знаешь порядочных девушек. А какие ты тогда хорошие письма мне писал! Умел же быть ласковым...

– Ну да, было такое! В армии, что только не приходило на ум. Понимаешь, тоска, все кругом чужие, а ты как свет в окошке. Изливал душу, тебя подбадривал. А теперь всё изменилось, ты мне на жалость не дави, не гони...

– Вот как?! И что же тебе приходило на ум? Может, тебя там подменили?

– Не заблуждайся, я такой же. Просто жизнь на глазах меняется. Как бы до армии, я больше работать не хочу.

– Тогда почему ты так себя странно ведёшь?

– Да обычно! Ищу работу. И больше не подгоняй, – не глядя на жену, ответил Эдик.

– Ночью, ищешь работу? За кого ты меня принимаешь? – в оторопи вырвалось, а на лице отразилось страдание, а сердечная боль исказила прекрасное лицо. Он это заметил, но её словам не придавал должного значения.

– Нет, что ты! Мои друзья работают, учатся. Бывает, прихожу поздно, но надо же и в бильярд поиграть. Однажды, помнишь, выиграл пяток червонцев...

– Я тебя почти не вижу, в кино даже не ходим...

– Как же, когда пришёл из армии, две недели ходили.

– И можно больше не ходить? Я же работаю, дочку в сад сама отвожу. А ты дрыхнешь. Мне за тебя уже перед твоими же стыдно. И моя мать переживает обо мне. Она мне сказала, что в тебе я обманулась... Но я с ней не соглашалась. Ты даже в станицу не поехал.

– А что мне там делать, огород тёще полоть, так я не умею тяпку держать. Вера Михайловна, конечно, на земле дока. А я как стоеросовый пень. Пусть не обижается. Я к ней поеду, когда большим человеком стану...

– Это кем же? И когда это произойдёт, пока рак на горе свистнет?

– Ладно, Анка, довольно пилить, найду работу. Мне стало скучно так жить. Вот и задумался. Я в самых деловых кругах ищу...

Шёл второй месяц, как Эдуард отслужил армию. Но теперь она была уже этому совсем не рада. Если за два года он так и не набрался житейской мудрости, уж лучше бы ещё служил, окаянный. Аня спрашивала у себя: «Что же так повлияло на него, почему его будто подменили, ведь до армии он был ласковым, чутким, предупредительным, и такие планы строил, что хотелось им гордиться? И вдруг он стал выказывать стремление к вольной, независимой жизни. Но в первое время это тяготение было вполне объяснимо, когда после двух лет армейской жизни, хотелось отдохнуть. Ладно бы с ней проводил время. Но получилось, удалился от семьи и пустился в загулы. Но зачем же делаться заядлым гулякой? Она трижды просила его съездить к своим родичам в станицу. Нет, он не отказывался, а только кормил обещаниями: «Да съездим мы, дай только очухаться от армейских сапог!» Но время шло, однажды, когда муж куда-то ездил со своим другом, она уехала с дочерью сама, о чём уведомила свекровь. Она приехала вечером, а мужа ещё не было. Когда он вернулся, Анка, разумеется, рассказала о своей поездке. Он ничего не ответил, а только как-то загадочно присвистнул. И лишь потом, как он куда-то опять уходил, она услышала:

– И как там станица, как твои, всё ещё выращивают капусту?

– Ты бы, Эдик, не смеялся, попробовал бы сам как это делается.

– Вот как на пенсию выйду, так и... попробую. А пока я по делу отлучусь.

– Не надоело ли?

– Брось мораль читать! Вот как найду дело, тогда посмотрим, кто прав: я

или вы...

На это она только махнула рукой, отвернулась, и не видела, как он вышел...

И в минуты раздумий, подобно свекрови, Екатерины Дмитриевны, Аня припоминала, что стремление к праздной жизни у него проявлялось почти точно так же и до армии. Но разве к нему не дошло, что такая жизнь ещё никому не приносила пользу, а только вред? Сколько на эту тему написано книг, когда люди, оценивая свою жизнь на её закате, приходят к тяжёлым разочарованиям, потому что, как бы ни желали всё вернуть назад и начать всё сначала, но, увы, вернуть уже ничего было нельзя. Всё, поезд ушёл! А для него ещё ничего не поздно. Неужели он этого никак не поймёт, что ждёт его впереди, неужели должно стать нормой, как вечер, так он бежит, как оглашенный, из дому. А как же она, дочка, мол, живите, а его не касайтесь, потому что ему хочется гулять?

Вот уже несколько ночей, когда его не было дома, Аня провела в слезах. Она слышала, как он заявлялся поздно ночью, но с ней почему-то не ложился, а уходил в другую комнату. И своим поступком он оскорблял её, пусть, даже если он был пьян. А потом неожиданно у него включался свет, Аня знала, что это к нему входила свекровь, Екатерина Дмитриевна. И потом из-за неплотно закрытых дверей доносился разговор на высоких тонах матери и в ответ слышались невнятные слова сына. Екатерина Дмитриевна с душевной терпимостью выговаривала Эдуарду всё, что она думала о нём. Но как бы долго ни продолжались такие нахлобучки, они нисколько не влияли на него, так как он продолжал куролесить и махать рукой на семью. Тем не менее, Аня надеялась, что вот-вот что-то должно произойти и муж возьмётся за ум. Однако всякий раз сын отвечал матери:

– Не влипай в мою жизнь, я знаю, что делаю, и пока молодой, буду гулять.

«А я, ведь я тоже молодая, что же мне тогда делать с таким мужем?» – думала с душевной болью Аня.

– Как ты смог такое себе внушить? – возмущалась свекровь.

– Да всё, мать, всё, мне надоело слушать, кто я тебе – школьник? Сам отвечу перед... – но Анка не услышала окончание фразы мужа, так как из глаз хлынули слёзы. Дышать стало тяжело. А потом она слышала, как отдалённо скрипнула дверь, как зашелестел длиннополый халат свекрови, потом всё стихло. Но Ане казалось, что Екатерина Дмитриевна приостановилась возле её комнаты, наверное, сочувствовала ей, невестке, и она была благодарна за её душевность. За три года, которые она жила в её доме, Аня не находила причин обижаться на свекровь. И в свой черёд перед ней она не уронила своё честное имя...

Екатерина Дмитриевна сдержанно вздохнула, перевела дыхание и пошла к себе. Она помнила, как три года назад предупреждала сына, что рано женится, значит, навредит не только себе, но и будущей жене. Ведь мужчине недолго в постороннюю влюбиться, а женщина, если полюбит, так уже навсегда. Вот у неё никого не было после смерти мужа. Почему было не жениться после армии, но он не прислушался. Вот и от армии пытался увильнуть. Аня как-то смогла его убедить, что ей было бы стыдно, если бы он не пошёл служить. Мать тогда укоряла сына тем, что он не старался учиться, а то мог бы поступить...

Эдуард, будучи всегда самонадеянным, отмахивался от наставлений матери. «И выходит, не всю дурь выгулял, не нагулялся, – грустно подумала Екатерина Дмитриевна. – А мне разве легко смотреть на страдание Ани?» Что ж не любить такую женщину, работает, всё ему делает, послушная, за собой и дочерью ухаживает».

...Утром все сидели за завтраком в кухне за общим обеденным столом. Эдуард ещё не вставал; он всегда не спешил, большие руки лежали поверх на атласном зелёном пододеяльнике. Он ждал, пока мать и жена уйдут на работу. Как донельзя ему надоело выслушивать их нудные нотации, хотя бы что-нибудь новое внушали, а то о долге и совести долбят и долбят.

Эдуард думал, что с женой он должен серьёзно поговорить, пусть, дура, не берёт в голову, что он от неё гуляет, несмотря на то, что в их компании есть и девушки. Но он пока ещё ни с одной не спал... Сидеть дома для него – это, сродни унижению; он же не обижает её, ещё ни разу не поднял руку и не поднимет. А то, что бабулька говорит, дескать, нет культуры, ведь сами же так воспитали, и что теперь стенать. Бабулька всё книги суёт, — мальчик не читал в школе, до армии, рос обалдуем. И так ненасытно хвалится своими подписными изданиями, пусть деда за это благодарит. Это он ей собрал такую богатую библиотеку. Только зря столько денег угрохано на эту макулатуру. Но ничего, всё равно ему достанутся. Сейчас книги в большой цене, если понадобится, он их на чёрном рынке подпольно спустит, надо уже сейчас материальную базу создавать. А что касается чтения книг, то читала бабка, читает, и читай себе до гробовой доски. Жизнь сейчас не в книгах, это только люди для красоты в доме гоняются за книгами, потому что модно. А жизнь всё-таки не в книгах, а в том, что она даёт: предлагает книги, предлагает шмотки – продадим подороже, – подкинула деньжат – гуляй себе, веселись, катайся на море в Гагры или в Крым. И главное, научиться делать деньги, а с деньгами всё можно пройти, что предлагает жизнь...

«Вот телек я ещё уважаю, бокс, футбол посмотреть, но ещё бы эротические фильмы, как за границей. А книги – ими только себя вымучить». И он теперь до отчаяния, до исступления жалел, что рано женился, какой же ос-

толоп, почему не послушал мать?..

Глава третья

Мария Савельевна с густыми седыми волосами, морщинистым, слегка припухлым лицом, положила руки на стол и, навалившись грудью на его край, пила из фаянсовой кружки душистый чай и сердито переводила серые, мутные глаза с Екатерины Дмитриевны, своей дочери, на невестку Аню.

– Ты думаешь, он встанет? – спросила Мария Дмитриевна у дочери. – Пока не уйдёте, он будет валяться. А потом у меня, как лис, начнёт кланчить деньги.

– А я тебе сколько раз говорила: не давай, мама, не давай! А ты всё равно даёшь, почему мы должны ему потакать? Любимый внук, как же – не можно отказать?! – саркастически упрекнула Екатерина Дмитриевна.

– Так, было же, матушка, когда я ему не давала, ты давала. А теперь, как же ему не давать, приучили же? И в первую очередь – ты, мама! А я теперь что? Ну, вот заставь его устроиться на работу, заставь! – дребезжащим басом, придя в гнев, воскликнула Мария Савельевна.

– Ну да, я приучила, да мы все хорошие, нечего крайнего искать. Ты что даёшь? Жалко его? А я поняла, что жалость нас и погубила; видишь, какой вырос эгоист, что даже и армия его не перевоспитала! Что его, за руку вести? Да уже и возраст не тот, не детский сад, чтобы я за него отвечала перед обществом. Ну, сколько ему уже говорила, а это помогло?

Мария Савельевна убрала натруженные морщинистые руки со стола, выпрямилась, и с живостью резко хлопнула себя по покатым бёдрам, раскрыв при этом широко глаза, приоткрыла рот, который из-за этого стал, как бы западать, точно втягивался. И она со смехом произнесла:

– Да ты что, к чему же нас его безработица приведёт? Ну и люди пошли, ну все как будто разом подурнели! А если в милицию попадёт, тогда ты всех своих знакомых обзвонишь, чтобы выручили несчастного сыночка, тогда и слова свои забудешь...

– Ну, хорошо, ты меня вразумила! Долго он там будет в постели валяться? – Екатерину Дмитриевну задела слова матери, и она быстро поднялась с мягкого стула, и решительно зашагала, и во всей её солидной фигуре был виден порыв к действию.

Разумеется, Эдуард, услышав чьи-то шаги, решил, что жена так быстро шагать не могла. А это значит, к нему шла мать, и он тут же притворился спящим с видом невинного агнца. Однако хитрость его не сработала, Екатерина Дмитриевна подошла к деревянной двуспальной кровати и резко дёрнула сына за плечо. Он спокойно открыл глаза, и вялым, сонным взглядом зыркнул на мать, и тотчас обозначилось от природы широкоску-

лое, припухшее лицо от частого употребления пива.

– Чего тебе? – лениво прохрипел сын.

– Какой нахал! Всякую совесть уже потерял!

– Чего кричишь? Я не глухой. А ты оглушила.

– Да тебя убить мало, изверг, мучитель! Хотя бы своей жены постыдился. Засрамил нас, стыдно уже перед людьми... Бессовестный, ещё чего кричишь! А что, за твои проделки на тебя Богу молиться?

– Да ладно, хорош читать нотации, сейчас встану, — а про себя подумал: «Зря я так, надо бы молчать и сразу вскочить и не доводить её до истерики, нужно быть хитрей, покладистой. А то совсем оборзел».

– Ты кому одолжение делаешь? Вот запомни, Эдик, даю тебе два дня, чтобы за это время устроился хоть грузчиком, хоть разнорабочим, а на шее у нас больше не будешь сидеть! Запомни моё слово, а не запомнишь – на носу заруби! «Вот и достукался, ну что я молчу, надо ласково пообещать, что скоро найду работу! Ну зачем я молчу? Какой ты настырный, перебори своё самолюбие и подлижись к мамаше и она сразу подобреет. Главное, чтобы верила и больше не приставала».

Екатерина Дмитриевна строго и сурово смотрела на сына, точно запоминала его лицо. А затем напоследок с презрением и брезгливостью во взгляде сказала:

– Ты посмотри на себя в зеркало, от пьянства всё лицо уже распухло, даже глаз из-за щёк не видно, весь пропитался вином. И это за каких-то сорок пять дней, а что будет через год?

«Ты смотри, как точно подсчитала, – не без внутреннего сарказма про себя подумал Эдуард. – Неужели я уже правда так опух, что-то не замечал. Сами же кормили на убой. Нет, мамаша сочиняет. Да, вечно наговаривает! Ну что я опять молчу?»

Эдуард, так ничего и не ответил на замечания матери, сел на постели и стащил со стула затёртые джинсы и тут же принялся, но, правда, как-то еле шевеля конечностями их натягивать на свои полные мускулистые, покрытые волосами ноги.

Екатерина Дмитриевна вернулась на кухню. Невестка уже убирала со стола посуду и сносила её в раковину. Внучка Наталка ёрзала на мягком стуле и под столом ногами гоняла рыжую кошку. Когда вошла бабушка, она ни с того ни сего по-своему довольно внятно пролепетала:

– Бабушка, папа не работает, потому ему нельзя кусать.

Аня, Мария Савельевна и Екатерина Дмитриевна рассмеялись.

– Правильно, Наталка: кто не работает, тот не ест, но твой папка этого не понимает, – сказала грустно бабушка.

Однако Эдуард скоро вышел. Екатерина Дмитриевна вымыла руки, сня-

ла шёлковый цветной халат, взяла его на руку и пошла из кухни. Но в дверях она встретилась с сыном и жёстко взглянула на него. И, наклонив голову, ухоженную причёской из крашенных каштановых волос, молча прошла мимо, точно больше не желая его признавать.

Аня домыла посуду, вымыла руки. В это время Эдуард, почти бесшумно шаркая домашними тапочками по полу, уложенному керамической голубоватой плиткой, подошёл к умывальнику, открывая кран, внимательно посмотрел с осторожной улыбкой на жену. Но Аня, чувствуя его пристальный взгляд и от того, что сейчас он явно заискивал, чего особо раньше за ним не наблюдалось, она удивлённо взглянула на мужа. Хотя в следующую минуту удивление сменилось ненавистью и обидой за то, что в последние дни он будто нарочно её не замечал. И боясь, что сейчас вспыхнет, быстро от него отвернулась и ушла из кухни, видя, что Мария Савельевна тихо разговаривала с Наталкой, которая была в розовом платице и с бантом в светлых волосах...

Мария Савельевна тоже встала, не удостоив внука своим взглядом, сказав Наталке, что им пора уйти, а то отцу они будут мешать хозяйничать. Она это проговорила не без сарказма. Эдуарда явное бабкино непочтение несколько задевало. «Презирают, – подумал грустно он, – все презирают, даже дочка! Её учат не любить отца? Ну и чёрт с вами!»

Наталка действительно, понимая, что взрослые в обиде на отца и относятся к нему, как к больному ленью, в свой черёд тоже вела себя в отношении отца, подражая бабушке и прабабушке. И только к матери она испытывала чувство жалости, что отец не поговорит ни с матерью, ни с ней, дочерью, и оттого считала наравне со взрослыми женщинами его плохим.

Эдуард, вяло выкурив сигарету перед раскрытым окном, затушил окуроч в пепельнице, и пошёл в ванную. Но увидев жену в прихожей, перед зеркалом, задержался. Он подошёл к Ане, подумав: «Так, мамаша ушла в свою столовую заведовать, бабуля с внучкой пошли читать книжку, а моя нарочно тут ждёт меня». Он взял руку жены, по привычке с тяжелым взглядом, а потом спохватился и посмотрел на неё душевно, но, однако, несколько угрюмо проговорил:

– Сердишься, как и они?

– Уйди от меня! Не прикасайся, от тебя пахнет духами... других лапал...

– Ты вот зря не говори, если не знаешь, чем я там занимаюсь...

– А что мне знать, когда и так понятно! Где друзья, там и женщины, там все сопутствующие развлечения... Если ты не остановишься, я уйду, соберу вещи и уйду! Неужели тебе дороже дружки, а семья не мила? Эдик, опомнись, я так в тебя верила, когда ждала два года, пока ты служил в армии. И за твои отлучки из семьи это мне такая награда? Ты хоть знаешь, что у тебя

есть дочка? Почему же я никуда не хожу с подругами, которых совсем уже забыла?

– У тебя их больше нет, – но про себя подумал: «Зачем я так?»

– Что? – её лицо покрылось бледными пятнами. – Какой же ты кретин! – каждое слово она проговорила медленно и продолжала: – И ты так уверенно это говоришь? А если я возьму и загуляю, что ты тогда на это скажешь?

Анка вспомнила, когда муж служил в армии, за ней пытался ухаживать из сборочного цеха Алексей Велихов, который работал слесарем-сборщиком. Иногда они встречались в заводской столовой. Но она не отвечала на его ухаживания. Ростом он был выше среднего, строен, подтянут, и был симпатичен. И как-то всегда загадочно улыбался. Однажды, как бы в шутку преподнёс ей цветы, которыми торговали бабушки недалеко от проходной завода. Анка поблагодарила, сказав, что она несвободна, а то бы приняла, и прибавила, разве на заводе мало одиноких девушек? Она запрещала ему ходить за ней, не то её увидят с ним знакомые и передадут потом мужу, как она ждала его. А ей такого «сюрприза» не надо.

– Аня, а может, он там уже того... подцепил кого-то? Например, дочку командира полка? – не выдержал Алексей из-за её упрямства.

– Лёша, от тебя я такого не ожидала! Как ты смеешь мне это говорить? У нас с ним дочка...

– Да всё ж бывает в жизни...

– Ты, прав, но он не такой, надеюсь.

– А ты мне нравишься. Что мне тогда делать?

– Пусть тебе встретится такая же, другая. Не подходи ко мне. Я прошу тебя. – в её прелестном взгляде плескался испуг, и застывала мольба...

После трёх попыток, он больше не стал её преследовать.

Когда муж пришёл из армии, Анка была на «седьмом небе».

И вот прошло столько дней, а он, будто заговорённый кем-то, вытворял такое, чего она от него никак не ожидала. И поневоле опустилась на землю. Он медлил с ответом, так как понимал, что жена была права, и потому заглядывал в глубокую синеву её глаз, в которых он увидел затаившуюся внутреннюю боль и страдания. Затем он разглядывал красивый вырез губ, эти родные губы и почему же он тогда жалел, что так рано женился? А ведь Аня славная, с красивым лицом и фигурой, женщина, которая нравилась всем его друзьям. Он думал, что если его ничто не беспокоило, то и жену ничто не должно волновать. Они живут почти без ссор, он не кричит, не шумит, это только она недовольна его отлучками из дому. Но наступит время он будет её радовать достатком. И ему вдруг захотелось поцеловать её, так как давно по-настоящему этого не делал. И сейчас это казалось лучшим способом загладить свою перед ней вину.

Она хочет его внимания, а он оставляет жену и целыми днями, по её понятиям, где-то отирается. А то, что он ведёт вне дома постороннюю жизнь, это не должно касаться ни матери, ни бабушки, ни жены. Аня должна думать, что он только её одну и любит. И последнее невнимание к ней, это, безусловно, серьёзное его упущение. Но и то правда, она стала ему надоедать. А что бы он сказал на её слова по поводу того, если бы она загуляла? В другом случае он бы влепил ей пощёчину, чтобы она и мысли такой не допускала. Ему можно, тогда как ей ничего нельзя. Гуляющая баба – позор для семьи! Думая так, он обхватил голову жены, её белокурые крашенные волосы, уложенные начёсом, на затылке разделялись прядями в виде локонов. На пол упала, звеня, золотая заколка, которую подарил он после одного картёжного выигрыша. Один дурак стащил у своей жены, поскольку на игру не хватало денег, и проиграл. Она же об этом не знала, он придумал другую легенду... А то бы она не приняла сомнительный подарок...

Ему удалось поцеловать Анку в сочные припухлые губы, и только попытался в шею, как она резким движением вырвалась.

– Оставь меня!

– Ну, Анютка, не сердись! Я больше не буду, и скоро ты это поймёшь... – он снова обхватил её вокруг талии.

– Мне сейчас некогда, я уже опаздываю, отпусти же, – Аня вырвалась.

Он крепко держал её, она мучительно застонала, чуть ли не плача и про себя отметила, что раньше муж обнимал её нежнее и бережнее, а сейчас грубо, как гулящую девку. – Эдик, поговорим вечером...

– Что, уже надоел? – грубо бросил он, выпуская её из объятий.

– А мне кажется, это я тебе надоела! – ответила она и ушла.

Полдня Эдуард не выходил из дому. Мария Савельевна в передней сидела за столом и читала «Роман-газету» – недавно полученный свежий номер. Наталкин голос был слышен в другой смежной комнате. Она повелительно заставляла куклу играть с ней, навязав ей роль непослушной дочки. Девочка приводила её к прабабушке, и жаловалась на ту, что она проказничает, шалит и ей не подчиняется, таскает за хвост кошку. И не желает понимать, что кошке больно, вот если бы её так потаскали, то ей это тоже не понравилось...

Волей-неволей пришлось набраться терпения, чтобы бесцельно вылежать полдня. Надо было найти способ подхода к бабке за деньгами. Эдуард ломал голову и ничего не мог придумать. Ведь за душой – ни копейки! Вчера просадил четвертак, который дала бабка два дня назад. Но тогда он обещал ей, что устроится на работу. А что говорить теперь? Ведь он не мечтал о работе, она даже не шла ему на ум. У него были свои планы, правда, ещё не до конца выстроенные, так только – обрывочные.

До армии Эдуард работал на заводе слесарем. Но туда он уже не пойдёт, там мазут, гаечки, шайбочки – для него это всё уже пройденный этап. Только подумать, он бы всю жизнь посвятил себя слесарному делу, так и страх берёт. Отец, как и дед, был учёным, а он не хотел учиться, следуя какому-то поверью, что можно и без науки хорошо жить... А мать винила его в ранней смерти отца, хотя Эдуард считал, что не надо было брать взятки и тогда бы не дёргался по всякому пустяку. На него было заведено уголовное дело, его исключили из партии, таскали на допросы и потом случился инфаркт...

Эдуарду часто снились деньги, а однажды увидел, как он сидит в кресле в прекрасном дворце, обладателем которого стал. И ему несут прямо на подносе аккуратно сложенную из пачек денег горку. Но по пробуждении эти радужные сны его разочаровывали неблагоприятной к нему суровой действительностью.

Он вспомнил, как они у кого-то на даче смотрели по видеоманитوفону зарубежный фильм «Крёстный отец», который не был в свободном прокате, и получалось, что они его смотрели подпольно. В том фильме рассказывалось об итальянской мафии, которая существовала за счёт преступного бизнеса – распространения наркотиков, вымогательства денег у предпринимателей, убийствах политических деятелей, конкурентов, а также о противостоянии клана Корлеоне с другими бандами.

Но тогда, после просмотра фильма, Эдуард вдруг задумался, а не создать ли и ему свою шайку, и начать действовать? И такие мысли осаждали его несколько дней. Но думая в таком направлении, он однажды осторожно поговорил с Вадимом. Однако тот не изъявил желания поддержать друга, и даже посоветовал забыть об этом, и никогда не думать, так как у нас другая политическая и идеологическая система и она не подходит к его затее. Эдуард и сам так полагал, что у нас нет почвы для организованной преступности. А если создать группу, то она долго не продержится....

Как же подойти к бабушке (иногда она для него из бабки становилась бабушкой), как её приглубить, ублажить, чтобы раскрыла свой «заветный ларчик?» Но то, что было утром: выступление матери и как бы нарочитая холодность бабушки, всё это его сковывало, чтобы что-то предпринять решительное. Ласками старушку уже не задобришь, не ублажишь. Остаётся только обещать, что скоро всё кардинально изменится в его жизни.

Хоть он это понимал, но не хотел пока сознавать, что все не на шутку настроены против него. Ему напоминали то, в каких трудных условиях они жили, но он не испытывал ни холода, ни голода, а то, что другие прошли через все невзгоды, он с трудом принимал на веру. Ведь сейчас ничего этого в обществе не было, а значит, его хотели запугать страшилками. Но в

любом случае ему были нужны деньги, чего ни мать, ни бабка не хотели ни понимать, ни чувствовать, как он, Эдик. А ещё говорили, что он лишён всякого сопереживания и сочувствия...

Эдуард был крупного телосложения, спортивен. В семье он рос со старшим братом Николаем и, несмотря на то, что отец их умер, когда Эдуарду было семнадцать лет, они не были лишены материального достатка. Мария Савельевна любила младшего внука, всегда угождала ему. Она почему-то хотела, чтобы Эдка, как она его называла, непременно привязался к наукам. Когда внук учился в школе, часто подсовывала ему книги, считая его способным. И надеялась, что он унаследует научное поприще дедушки, а в итоге он окончил школу, поступил в техникум и вскоре бросил учёне.

Его увлекало совсем противоположное: поваляться на пляже, прокатиться с ветерком на мотоцикле, в детстве увлекался рыбалкой, голубями, но скоро всё надоедало. Короче, ни к какой полезной деятельности он серьёзно не привязался. Лишь по воле обстоятельств работал учеником слесаря-сборщика до армии. Помня, как дед сидел ночами за книгами, он понимал, что такой удел не для него. Он был даже автором монографий. Эдик же конкретно не видел себя ни в одном деле. Он думал, что его призвание должно быть в другом. Но в чём именно оно могло проявиться, об этом он пока не имел ни малейшего представления.

Наконец-то терпение у него кончилось; он резко, решительно поднялся с диван-кровати, стукнул себя в грудь от досады, что из-за этих презренных денег он вынужден лежать бесцельно, а теперь идти и унижаться перед бабушкой. Эдуард презирал эти бумажки тогда, когда их у него не было и что из-за них добрая половина человечества должна гнуть спину. Но центром этой половины был он, а ведь он не хотел гнуть спину.

И вот Эдуард, сутулясь, приплёлся в гостиную, делаясь жалким, сел в кресло перед родной старушкой, деловито сцепил пальцы и сложил перед собой руки. Некоторое время внук пристально всматривался в бабушино лицо и пытался отгадать, как сейчас поведёт себя старая.

Мария Савельевна даже не повела бровью, сидела смирно и читала, держа журнал в вертикальном положении.

– Ба, – начал вкрадчиво Эдуард, – а, слышишь, ба?

– Деньги нужны?! – отбросив журнал, вдруг выпалила она. – Эдка, да что у меня кладёзь, я их пригоршнями черпаю?

– Последний раз, ба, честное слово, последний раз! Мне надо съездить в Ростов насчёт работы, понимаешь, там у них контора...

– Эдка, Эдка! Да как ты не поймёшь, – продолжала Мария Савельевна сочным баритоном, как будто не слушая внука. – Ты остался в просторном

доме, один у матери и не можешь дать себе ладу? Посмотри, Сергей, твой одноклассник, старший инженер уже. Славик Дубов военный, служит за границей... А ты... босяк, уличный парень, поднялся бы дедушка, что бы он сказал? Да ахнул бы, разве такого мечтал он увидеть внука? Эдка, Эдка! Зачем ты губишь себя с этими шарлатанами?.. А Витька-то Теплов как-никак, но учится, а ты же с ним водишься, – Мария Савельевна настолько возбудилась, настолько разошлась, что её впалые старческие глаза засверкали, и казалось, металы на внука по-молодому поражающие молнии.

«Ну, понесла, – думал Эдик, когда Мария Савельевна его отчитывала. – Хорошо, я послушаю, пускай поговорит, да, да, всё верно: Славка, Серёжка добились, я тоже добыюсь, подождите. Витька учится? Знала бы, что у него на уме, а учёба в стороне, что там он учится, то и дело убегает с лекций. Но я не босяк, это бабка загнула, пока я промолчу, а то денег не даст. А если начала нотации читать, то даст, уже так было. И вообще, что ей с деньгами делать, отдала бы все?» Эдуард сидел с притворно опущенной головой, как кающийся грешник.

– Хорошо, я дам, но чтобы ты больше не подходил. Тебе как верить, лучше сразу палец отрубить, чем...

Эдуард преобразился, как только услышал: «Я дам». И тотчас стало легче дышать. Он готов был расцеловать теперь не бабку, а бабушку, ай-ай, как он грубо называет её, своё сокровище.

– Только две красненьких, – показал он подбострастно два пальца, заглядывая притворно бабке в глаза, чтобы она (всё-таки бабка) непременно поняла его правильно.

Но как только бабушка услышала просьбу внука, морщинистое лицо Марии Савельевны выражало неподдельный испуг, и она тут же живо обронила, что у неё столько нет. Она даст только пятёрочку и хватит ему съездить в Ростов, если он только правда туда едет. Но Эдуард утверждал, что в автобусе он не желает трястись, к тому же пока возьмёт билет, потом ожидай отправления. А время деньги, да и не привык он ездить в автобусе: там давка, тряска, пыль, жара, а в такси – с ветерком!

– А ты заработал, чтобы кататься на такси? – упрекнула Мария Савельевна. – Баловали мы тебя, баловали и вот вырос иждивенец.

– Ба, зачем так, я ведь из армии...

– Ну и что, другие тоже из армии, а не сидят дома, не болтаются как ты, все серьёзные, – с этими словами Мария Савельевна, держась одной рукой за поясницу, медленно встала со вздохом и двинулась грузным телом в свою комнату, переваливаясь с ноги на ногу.

Эдуард забежал суматошно наперёд её и начал проделывать старые номера – ластиться, умолять, заискивать, целовать и обнимать бабушку,

чтобы она во что бы то ни стало удовлетворила его желание.

Но Марию Савельевну, как всегда, сначала его уловки забавляли, а когда превращались в изощрённое лицемерие, она начинала сердиться: –

– Брось, Эдка, хватит, а то совсем откажу, как будто любит, посмотрите, что делает? Ох, каков наглец! – Мария Савельевна отталкивала внука непослушными руками. – Оставь меня, наглец, кто верит твоим уловкам, да оставь же, совсем придавил, полоумник!

Он отстранился и, жалобно моля, произнёс:

– Ну, ба, дай сколько прошу?

Мария Савельевна тяжело дышала и серьёзно, с грустью посмотрела на внука. И подумала: «Какой детина, а денег своих не имеет, небось, над моим гробом не проронит ни слезинки». Хотелось ей сказать это внуку, но воздержалась. И с грустными мыслями пошла в свою комнату.

Мария Савельевна сдержала своё слово, принесла пять рублей. Эдуард оскорбился. Опять стал клянчить. Но Мария Савельевна накричала, и, взмахивая руками, принялась решительно прогонять надоедливого внука.

Потом Эдуард шёл по улице и в досаде на бабушку думал, что когда она, старая скряга, умрёт, то всё равно все деньги перейдут к нему.

Глава четвёртая

После того, как Виктор Теплов покинул своих друзей, Эдуард отозвал Вадима к стойке и спросил:

– Ты заметил, что Теплов сегодня на самого себя не похож?

– А ты разве не знаешь, что его турнули из института? – с какой-то радостью сообщил тот не удивительную для него новость. Они никогда не знали, что такое сочувствие и сопереживание.

– Говоришь, «турнули»? Вот это да, не думал, что он так оплошает. А за что?

– Вот за это дело, кажется, он же там побывал? – указал Вадим на стакан и напомнил о медвытрезвителе.

– Да? – рассеянно проговорил он, и тут же спросил о том, что его интересовало: – Сегодня есть программа на вечер?

– У меня на хате. Доволен?

– Ну, а твой братишка, не достанет хорошего шмотья?

– Поедем к нему и узнаем.

– Да, поехали, а то сидеть без дела надоело. А с девочками пока распрощаемся. Ты не забудь им сказать о вечере.

– Ну, девочки, пока, до вечера, – сказал Вадим, подойдя к ним.

– А вы куда уезжаете? Как всегда у вас важные дела? – насмешливо и манерно выговорила Наташа. – Ну что же – катитесь ко всем чертям, а мы

других снимем.

– С друзьями так не поступают! Прежде всего, верность и верность, а так нехорошо, – с деланностью проговорил Вадим.

– Вадимчик, я жду тебя в сквере! – живо сказала Марина.

– Наташа, а ты жди меня, договорились? – предложил насмешливо Эдуард.

Но Наташа таинственно промолчала, только недовольно скривилась в натянутой улыбке.

В машине они молчали. Эдуард мечтательно думал о том, что если Юрка достал, они бы загнали товар подороже, а там что-нибудь ещё придумалось и так бы славно завертелось дело. Вот и создаётся ситуация для большого семейного бизнеса. Но дальше он не стал развивать свою мысль, полагая, что «дело» само подсказжет, как им поступать...

Юрка жил на улице Тургенева. Было уже шесть часов, солнце необычайно большое, зависало над горизонтом, точно не собиралось заходить. Они вышли из машины возле кирпичного нового большого дома. Юрка жил с женой у тётчи. Вадим редко ходил к брату и потому прежде чем войти он нажал кнопку на воротах. Показалась седая голова женщины.

– Кто там?

– Это я, тётъ Надя, Юрка дома?

– Ты, Вадим? Он в гараже. Проходи.

– Да мы на минутку. Вы позовите.

– Юра-а! – закричала она.

Её не было минуты две-три.

– Идёт, подождите, руки вытрет, никак машину на осмотр не поставит.

– Здоров, приятель, почему не видно тебя? – сказал Эдуард деловым тоном, когда Юрка подошёл.

– Привет, – Юрка хмуро подал по очереди тому и другому сухую в мазуте руку.

– Есть дело, отойдём? – заговорил Эдуард.

– Слушаю.

– Товару достанешь? – спросил Вадим.

Юрка с неодобрением посмотрел на обоих.

– Вы думаете это легко?

– Нет, мы понимаем, – сказал Эдуард.

– Ну, так как, брат?

– Всем тряпочек, всем дефициту, а мне решётку?

– Ну ты же честно, за деньги?

– Это само собой, но товар должен идти на прилавок! У нас уже была проверка. Нет, я не берусь, короче, не обещаю. А где студент? Вот обрати-

тись к нему. Его мать недавно приняла японские зонтики и ещё что-то...

– Там уже ловить нечего. Как будто ты не знаешь его мамашу, – заметил Эдуард.

– Ну, я потопал, ребята. А то мне некогда, – между тем торопливо сказал Юрка, он протягивал каждому руку прощаться и спешил уйти.

– Э, подожди брат, ну так как?

– Ну чего «как»? Нет, не могу.

– Ты что, боишься, да не бойся, всё будет нормально, – заверил Эдуард.

– Ну ладно, посмотрим, я пошёл, – ответил Юрка, лишь бы от них уйти.

– Мы будем ждать.

– Если что, я позвоню, телефон у меня твой есть, – машинально проговорил Юрка, но спустя время пожалел, что тому напомнил о телефоне.

Юрка ушёл. А друзья разошлись.

...Вадим был родным братом Юрки. Вадим почти всю жизнь воспитывался у бабки с дедом, которого уже давно не стало. Баба Таня с тех пор так и жила как бы под опекой Вадима и всё старалась его женить, потому что боялась, что ей осталось жить недолго. Вадим отслужил армию год назад, через брата он устроился торговать пивом, планов о женитьбе он ещё не строил. Как баба Таня не уговаривала, не просила Вадима, как не старалась подыскивать невесту через знакомых, Вадим смеялся над бабой Таней.

– Ну, старая, ты что хочешь вернуть домострой, и что ты, как водевильная ходишь по народу?

И вот сегодня она опять, как заведённая, затеяла разговор на эту тему.

– Ты, Вадюша, так не смейся, я же для тебя стараюсь, разве мне не хочется увидеть твоих детей? Хочу понянчить, вот как! А то умру, и ты совсем от дома отобьёшься. А тебе быть в нём хозяином.

– Сегодня я приведу сразу двух барышень, – шутливым тоном говорил Вадим, он имел привычку дразнить бабу Таню. Хотя в глубине души сочувствовал её стараниям найти ему невесту и смотрел на её усердие снисходительно. Главное ему было интересно услышать ответ, порой не лишённый здравого смысла, но всегда завышенного суждения о действительном.

– Таких, как ты приведёшь, мне не нужно в доме.

– Почему, нормальные девицы? Зря ты, старая. Ей дают возможность выбора будущей невестки, а она носом крутит, – он сдержанно хохотнул. – Ты меня не дразни. Что я говорю, то знаю. Разве можно с улицы привести путных.

– Бабушка, родная, они не уличные, они работают и учатся, и дома живут, а ты заладила: уличные.

– А скажи, зачем сразу две? Да ещё на ночь. Разве не уличные? Или

своему дружку приведёшь? Не надо мне здесь устраивать бордель. Эдик придёт? Ну и верзила, семью завёл, а ума нет. И ты с таким водишься? Вот второй, студент, как его?..

– Витька?

– Во, он самый, этот, видимо, ни чё парень, спокойный. Но водку пьёт, как воду и не закусывает.

– Его выгнали из института, был студент, и нет студента, – сказал, потягиваясь на тахте Вадим, потом лениво поднялся и подошёл к зеркалу, берясь за подбородок.

– За что же это его? А ты чего с друга смеёшься? – ужаснулась и смотрела сочувственно баба Таня.

– Да за всё его и наше! – отчеканил Вадим и, включив электрическую бритву «Харьков» стал бриться.

– И что ты так путано говоришь? Это что значит, «его» и «наше»?

– Да так, мы его от учёбы отлучали, наши дела он делал. А чего ему учиться? Нам же хорошо без этого, пусть и ему так же будет. А ты, старая, лучше притихни сегодня пораньше, чтоб я тебя не видел и не слышал. У нас сегодня праздник, я привожу дружбанов.

– Это что, значит, «притихни»? Умру, вот и притихну, это ты ждёшь мою смерть?! Какой праздник? Если ты так будешь со мной разговаривать, то я твоих друзей не буду пущать.

– Я пошутил, извини, старая, должна шутки понимать.

– Вот это шутки? Хороши, ничего не скажешь!.. – она качнула головой.

– Ну, сказал – не буду! Я пошёл, старая, через час прибуду.

И действительно, ровно через час он привёз Наташу и Марину. Бабка Таня видела, как они выходили из машины в каких-то облезлых штанах, название которых она так и не могла уяснить для себя: «И чё-то он с двумя-то будет делать? Энтото верзила кажись, с ними нету, машина ушла пустая. Ну, Вадюша, ну Вадюша, пропадёт он с ними. Чует моё сердце, не добром это кончится», – бабка Таня завздохала. «Прогнать бы их к лешему, да разве он послушает меня, никогда не слушал, всё наперекор. А если я прогоню, то он дома вообще ночевать не будет, так пущай дома, хоть с этими развлекается. Здесь я буду спокойна – он дома... ой, как бы заразы какой не навязали ему энти. Вот не пойму, и чё с такими путаться, мало ли хороших?»

В это время подъехала вторая машина, из неё вышел Эдуард и Виктор с чемоданчиком. Бабка Таня, увидев их, ахнула: «Ах, ты, и этих принесло». Они стояли, что-то обсуждали, а затем двинулись в ворота.

«А мне теперь уходить надо, пойду в кухню. «Всё равно я ему там пона-

доблюсь».

С бабушкой Таней Вадим столкнулся в коридоре.

– Ты на кухню, старая? Иди, я сейчас, провожу гостей. Девочки, пожалуйста, в эту дверь, к соседям не попадите, – Вадим указал на противоположную дверь.

Квартира была из трёх комнат, одна небольшая находилась при входе, а другая в несколько раз больше, направо, а третья к ней примыкала. Она была просторная, её занимал Вадим. Комната была обставлена новой мебелью. Был оборудован угол для стереофонической музыки с двумя большими колонками и с устройствами светомузыки, на стенах висели вырезки из зарубежных музыкальных журналов с изображениями певцов и ансамблей, а также снимки из журналов мод Запада. В другой стороне комнаты стену украшало несколько чеканок, над одной в ладонь пристроился литой бронзовый крест с распятием Иисуса Христа. На улицу выходили два больших окна с тяжёлыми шторами. На полу лежал мягкий ковёр. Стояло два дивана, стол, сервант и пара кресел в углу, где было оборудовано место для музыки.

Баба Таня, с мрачным видом, прошла мимо гостей, только кивком седовласой головы ответила на приветствия девушек. Эдуард смело прошёл мимо бабушки Тани и хотел что-то сказать приятное, но её недобрый взгляд заставил воздержаться. Он знал, что она его почему-то не любила. Но он ошибался, просто её огорчало, как он к ней обращался, называя непочтительно «старой». А следом за ним внук, на которого, считала она, тот дурно влиял...

Виктор по рассеянности и задумчивости не заметил добрую старушку. Он прошёл в квартиру первый, и был занят бессвязными мыслями такого содержания, что в нём нет воли. Он не умеет держать себя в руках, что он пропал, что жить без цели становится бессмысленно, это опять повторяется старое и тогда зачем ему нужно это пустое времяпрепровождение, зачем он опять поддаётся инерции? Разве жить иначе нельзя? А кто сказал, что так нельзя, если они живут, то значит, им всё позволено? А иначе, что можно придумать толковое? Короче, всё равно всех их ждёт смерть. Но пока же он жив и жизнь ещё вся впереди, так можно всю её спалить, прожечь. Нет, нет, жизнь дана не для того. А для чего? И он не знал для чего.

Этот вопрос, после того, как его исключили из института, завладел им с новой силой и как бы он не думал о смысле жизни, не мог его открыть и постичь для себя. Всё сводилось к одному: вот он живёт, воспринимает окружающее, да и то, наверное, как ущербную луну, такой ему виделась жизнь, точно она его обокрала, что-то не додала, что-то скрывает от него...

– Ну, так друзья, садитесь, где кому понравится, – широким жестом ука-